

Жена докащица.

ахаль мужикъ барскую пашню и нашель кладъ,—цѣлую кубышку съ деньгами. Обрадовался, пришелъ домой и говорить женѣ: «Жена, а жена, я кладъ нашель.» — «Гдѣ?» — «На барской пашнѣ.» — «Что-жь, — говоритъ жена, — надо барину скорѣй сказать; хуже будетъ, если помимо насъ узнаеть.» — «Не узнаеть!» — «Ну, ты какъ знаешь, а я все-таки барину скажу.» Видитъ мужикъ, — дѣло плохо; скажетъ жена барину, тогда и кладъ прощай, потому что въ той сторонѣ такой законъ былъ: на чьей землѣ кладъ оказался, — тотъ имъ и владѣть долженъ. А жена у мужика была такая глупая да болтливая, что, бывало, что ни услышитъ отъ мужа — сейчасъ вся деревня узнаеть. Сталь мужикъ придумывать, какъ бы дѣло поправить, и надумаль.

Поймаль онъ щуку да зайца, а въ ближнемъ селѣ купилъ на базарѣ вязку баранокъ; щуку повѣсилъ въ силокъ на дерево, на самую верхушку, а зайца посадилъ въ вершу. Приходитъ домой, спряталь баранки во дворѣ, и только что въ избу вошелъ, — жена первымъ долгомъ: «Сказываль ты барину про кладъ-то?» — «Успѣю сказать, — говоритъ мужикъ. — Ты лучше послушай, что я въ лѣсу видѣлъ: щука на деревѣ виситъ, на самой верхушкѣ: въ птичій силокъ попалась!» Пошли въ лѣсъ, видитъ жена: точно щука на деревѣ въ силкѣ виситъ. «Полѣзай за ней, — говоритъ мужу. — Вечеромъ на ужинъ зажаримъ.» Мужъ слазилъ на дерево и досталь щуку. Поцли домой. Идутъ мимо рѣки, мужъ и говоритъ: «Постой, жена, я къ рѣкѣ сбѣгаю, въ верши посмотрю.» Заглянулъ въ вершу и давай жену звать: «Глянь-ка, заяцъ

въ вершу попалъ!» — «А коли попалъ, бери его поскорѣй — на обѣдъ завтра годится.» Взялъ старикъ и зайца.

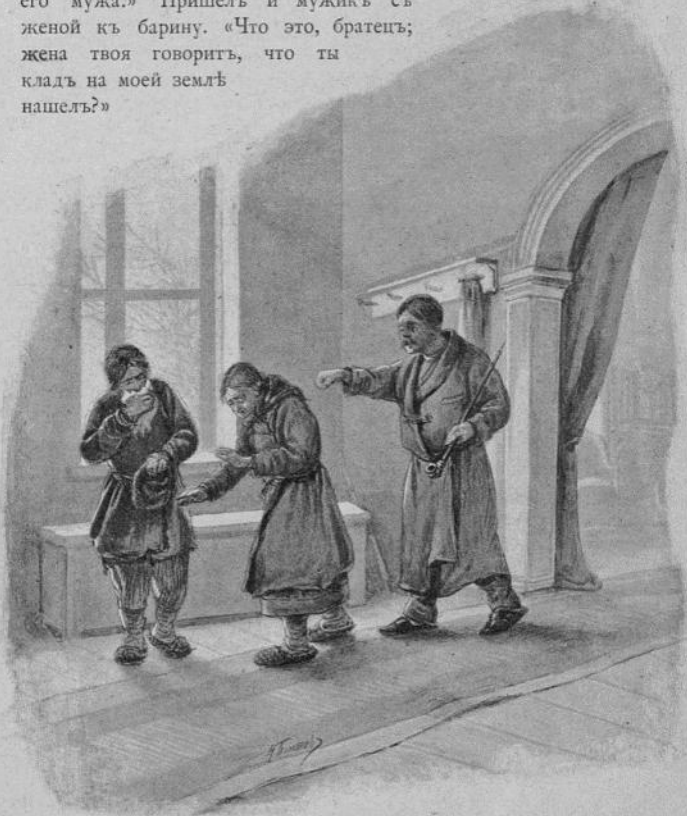
Пришли домой. Жена опять пристаётъ къ мужу: «Скоро-ль ты къ барину-то пойдешь?» — «Успѣю еще, — говоритъ мужъ. — Завтра опять въ лѣсъ надо сходить, дровецъ нарубить, а теперь поздно: ложись-ка спать.» На утро проснулся мужикъ раньше жены, вышелъ во дворъ, раскидалъ по всему двору баранки, что тамъ раньше спряталъ, и будить жену: «Жена, а жена! Бѣги-ка на дворъ, баранки собирай. Какая нынче ночью надъ нашей деревней бараночная туча прошла, — страсть! Другія-то хозяйки раньше тебя встали да и съ улицы баранки собрали, а у насъ только и есть что на дворѣ.» Выскочила жена, глядь — и правда, весь дворъ баранками усыпанъ. Набрала ихъ полный подолъ да еще охаетъ: «Охъ, горе мое горькое, только всего и осталось! Сколько, небось, сосѣдки-то набрали!» А мужъ ей: «Ну, ладно, въ другой разъ раньше вставай, теперь нечего разговаривать, пора въ лѣсъ ѣхать.»

Приѣхали они въ лѣсъ, нарубили мужикъ дровъ и приказалъ женѣ хворостъ собирать, а самъ ушелъ. «Подожди, — говоритъ, — я скоро ворочусь. Вышелъ на опушку, глядь: стадо свиней безъ пастуха въ полѣ пасется. Онъ взялъ одну свинью, затащилъ ее въ чащу и повѣсилъ за заднюю ногу на дерево. Оретъ свинья, истошнымъ голосомъ заливается, а мужикъ вернулся къ женѣ, точно чего то до смерти испугался, завернулъ лошадь и давай ее вскачъ черезъ пень-колоду гнать къ дорогѣ. «Чего это ты. Что съ тобой? — спрашиваетъ его жена. — Что за крикъ такой по лѣсу?» — «Молчи, баба, отроду такого страха не видывалъ. Вѣдь это съ нашего барина черти шкуру дерутъ за то, вишь, что онъ свою старуху мать голодомъ уморилъ. Ну, теперь ему послѣ такой дерки не скоро поправиться!»

Прошло послѣ того съ недѣлю, — нѣтъ покоя болтливой бабѣ: всю деревню она обѣгала, всѣмъ и о кладѣ и о шукѣ съ зайцемъ и о бараночной тучѣ и о томъ, какъ съ барина черти шкуру драли, рассказала. Смѣются надъ ней люди, на смѣхъ вовсе подняли, а она-то злится, что ей не вѣрятъ. До

того дошла, что со злости, себя не помня, побѣжала къ барину и бултыхъ ему въ ноги: «Такъ и такъ, мой мужъ на вашей, сударь, землѣ кладъ нашелъ!»

Посылаетъ ее баринъ: «Поди, приведи своего мужа.» Пришелъ и мужикъ съ женой къ барину. «Что это, братецъ; жена твоя говоритъ, что ты кладъ на моей землѣ нашелъ?»

Какъ повернулъ бабу да хватилъ ее кулакомъ—съ той и платокъ свалился.

— «Никакого я, сударь, клада не находилъ,—отвѣчаетъ мужикъ,—просто брешетъ баба: она вѣдь у меня съ придурью.» Какъ взвизгнетъ баба: «Кто? Это я съ придурью? Самъ-то ты дуракъ и мошенникъ. А не помнишь, какъ ты съ пашни вернулся да самъ-же мнѣ говорилъ, что ты кладъ нашелъ. Еще въ тотъ день намъ шука въ сенокъ попалась!» — «Вотъ, вотъ, батюшка баринъ; такъ-то она у меня давно ужъ заговаривается. Шука, вишь, въ сенокъ, вмѣсто чижа попала.» — «Да, старый ты грѣховодникъ, не помнишь, небось, самъ же ты шуку съ березы изъ силка вынималъ! А потомъ еще заяцъ въ твою вершу залѣзъ. Не помнишь?» — «Да гоните вы ее, батюшка, отъ себя въ зашей. Совсѣмъ баба ополоумѣла.» — «Нѣтъ, врешь, мошенникъ ты эдакій! Ужъ коли на то пошло, что онъ меня полоумной показываетъ, такъ я докажу! На другой послѣ того день, батюшка баринъ, еще бараночная туча надъ деревней шла, такъ я баранокъ полный подолъ собрала,— всѣ сосѣдки видали, хоть всю деревню спросите!»

— И вправду, баба, что это ты за чепуху такую несешь? — говоритъ баринъ.—Какая такая бараночная туча?

— Говорю вамъ сударь, не въ полномъ она у меня разумѣ, умомъ повредила, — подхватилъ мужикъ. — Что ты, жена, Христось съ тобой, опомнись, пойдемъ домой; тамъ водицы выпьешь, полежишь: можетъ, Богъ дастъ, и отойдетъ это отъ тебя.» Тутъ ужъ баба совсѣмъ изъ себя вышла. «Да что-жъ это, батюшка баринъ! Онъ-же, мошенникъ, вамъ на меня наговариваетъ. Это я-то не въ своемъ разумѣ! Да я все до чуточки помню, ничего не забыла. Еще въ тотъ же день, не во гнѣвъ вашей милости будь сказано, съ васъ въ лѣсу черти шкурку драли, за то, что вы покойницу барыню вашу матушку голодомъ уморить изволили. Ужъ это, небось, и вамъ, батюшка, памятно.»

Какъ разсердится баринъ, затопалъ на бабу ногами. «Ахъ ты, дрянъ эдакая!—кричитъ.—Мало того, что я все твое вранье о зайцахъ да о шукахъ слушалъ, ты еще покойницу матушку приплетаешь! Скажите на милость: съ меня черти кожу драли. Вонъ отсюда!» Да какъ повернулъ бабу къ двери, да хватилъ ее

кулакомъ по шеѣ — съ той и платокъ свалился, такъ кубаремъ изъ передней и вылетѣла.

А мужикъ ухмыляется себѣ въ бороду и говоритъ: «Каково мнѣ это, сударь, съ полоумной женой жить. Покаралъ меня Господь.» Пожалѣлъ его баринъ, далъ на чай за беспокойство и отпустилъ по здоровью.

И зажилъ послѣ того мужикъ спокойно да богато, скоро въ городъ перебрался, въ купцы записался. А бабѣ съ той поры вовсе вѣрить перестали, такъ за полоумную всѣ и считали.

Сестрица Алenuшка и братецъ Иванушка.

Въло у царя двое дѣтей: сыночекъ Иванушка, да дочка Алenuшка. Умерла царица и взялъ себѣ въ жены царь другую, молодую, красивую. Только мачиха-то была злая колдунья. Не влюбила она Алenuшку съ Иванушкой, стала всячески изводить ихъ, сживать со свѣту бѣлаго. Терпѣли, терпѣли они, пока отецъ былъ живъ, а какъ умеръ, не подѣ силу имъ стало, и ушли они разъ ночью изъ дому, куда глаза глядятъ, по бѣлу-свѣту странствовать.

Идетъ сестрица Алenuшка съ братцемъ Иванушкой путемъ-дорогою, ночь прошла, ясный день насталъ. Идутъ полями широкими, горами высокими; ни деревца, ни кустика. Солнце огнемъ палить, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ. Захотѣлось Иванушкѣ пить, и говоритъ онъ: «Сестрица Алenuшка, пить очень хочется.» — «Погоди, братецъ, дойдемъ до колодца, тамъ напьемся.»